

Гертруда и Роналд обвенчались.
Счастье их было безоблачным.
Что тут можно еще добавить?
Да, еще вот что. Через несколько
дней граф был убит на охоте.
Графиню поразила молния.
Дети утонули.
Итак, счастье Гертруды и Роналда
было совершенно безоблачным.

*Стивен Ликок.
Гувернантка Гертруда,
или Сердце семнадцатилетней.*

На глаза ему попалась красивая девушка, и он стал смотреть на нее — чтобы хоть куда-нибудь смотреть! Кроме того, смотреть на нее было приятно, она как будто из журнала выскочила.

Из такого — он пошевелил лбом, подгоняя умные мысли поближе, — из такого... как это называется-то?

Ну, картинки красивые и на обложке непременно ангельское личико, а по бокам заголовки: «Шестнадцать способов соблазнить шефа», «Роскошные ресницы — счастливая судьба, новая удлиняющая тушь от...», «Весна — время заняться фигурой», «Загляни ему в душу».

Последнее, про душу, ему особенно нравилось, учитывая, что путь то ли к этой самой душе, то ли к сердцу пролегал через желудок. Каково это — заглянуть в душу через желудок? Красота небось откроется, ни в сказке сказать, ни пером описать.

Как же называется-то это все?..

Ах, да! Глянец, вот как! Гламур, вот еще как.

Девушка, выскочившая из глянца или гламура, обожала свою машинку, похватила с заднего сиденья сумочку, зонтик и еще что-то очень дамское, побежала, на ходу натягивая обуженную донельзя светлую дуб-

ленку, не глядя, вытянула руку с брелком. Машинка подмигнула фарами, как будто попрощалась с ней.

Он зевнул, чуть не вывернув челюсть, и захлопнул рот — зубы клацнули.

Спешит она. Торопится. На работу, должно быть, опаздывает. Он подчиненных за опоздания гонял в хвост и в гриву, и мысль о том, что она опаздывает, доставила ему удовольствие.

«Вот работала бы она на меня, — мечтал он. — Вот опоздала бы, а я бы вызвал ее, и давай мозги вправлять! Я бы вправлял, а она бы краснела, мялась, негодовала, стреляла своими глазищами. Шестнадцать способов соблазнить шефа!..»

Но девушка повела себя странно. Она перебежала дорогу, ввинтилась в толпу на троллейбусной остановке и на некоторое время пропала из глаз. Он все смотрел, позевывая. Подошел троллейбус.

Он был переполнен уже в тот момент, когда подходил, да еще столько же народу, сколько было внутри, собиралось штурмовать его снаружи — и глянцева девушка тоже!

Он ее увидел. Сделав решительное лицо, она сунула под мышку сумочку, получше укрепила в руке зонтик, одернула кургузый пиджачок и бросилась на штурм.

Штурм был краток и страшен.

Все лезли, ругались, пихали друг друга локтями в бока, тащили за одежду. Одежда трещала и рвалась. Лица наливались кровью и ненавистью. На мокрый асфальт летели пуговицы и проклятия.

Троллейбус постоял-постоял, а потом вздохнул и поехал — двери не закрывались, и от народа его кренило на одну сторону, вот-вот «рожки» слетят.

И чего ей на машине не ехалось?.. Чего лучше, сиди себе, слушай музыку, что-нибудь возвышенное и гламурное, к примеру, «тонкий шрам на любимой попе,

рваная рана в моей душе», подпевай да продвигайся потихоньку.

Лишь солнце взойдет, собирайся в дорогу и следом за ним поезжай понемногу. Покуда вернется оно в небеса, объедешь ты в двадцать четыре часа.

На самом деле — отличный лозунг для участников и регулировщиков московского движения. Двадцать четыре часа в машине, и это еще не предел! Вы можете сделать больше!..

Скособоченный троллейбус уехал, а он остался, и смотреть ему стало не на что.

На кого-то она похожа, та странная девушка. На кого-то из книжки или с картинки. А может, из телевизора.

Нет, он не мог вспомнить, на кого именно.

Человек, наблюдавший за ним издали, усмехнулся, заметив мечтательное выражение, мелькнувшее на простецкой и не отягощенной интеллектом физиономии. Должно быть, мечтает, как тюлень на лежбище.

О чем может мечтать тюлень на лежбище?..

Этот тюлень сослужит свою службу, участь его решена. За несколько вонючих тухлых рыбок он станет выделывать всякие трюки и фокусы, крутить на носу мяч, беспомощно загребать лапами манеж и обиженно реветь, не понимая, что происходит, когда его тушу поволокут на убой.

Жалко, конечно, — такой отличный экземпляр, еще не подпорченный никакой цивилизацией! — но что поделаешь! Задуманное предприятие потребует жертв. На роль жертвы тюлень подходил идеально.

Из подъезда вышла бывшая тюленева жена, посмотрела вверх — на небо, посмотрела в стороны — на дома.

Посмотрела на тюленя, при этом лицо у нее приня-

ло странное, как будто жалостливое выражение, впрочем, едва заметное. Потом она мазнула глазами и по его машине, совершенно равнодушно, впрочем. И наконец перевела взгляд себе под ноги, прикинула, куда шагнуть. Как раз вовремя, потому что под ногами у нее простиралась огромная лужа, плескалась и важно ходила в асфальтовых берегах. На жене были короткие белые замшевые сапожки и некий «макинтош», как определил он для себя, — что-то летящее, взмывающее, изнутри подбитое тонким светлым мехом, а снаружи атласное, расшитое яркими восточными цветами.

Тюленева жена была женщина со вкусом.

— Илюша! — негромко сказала она в сторону «мери-на», в котором вздыхал и ворочался тюлень. — Илюша!

Илюша, ясное дело, ни слова не слышал. Зевал по сторонам, и радио у него играло громко. Почему-то все из их тюленьего племени обожают именно громкую музыку и именно «мерины». В их тюленьи головы даже не приходит, что музыка может быть тихой и ненавязчивой, а машина — не «мерин».

Жена вытащила из кармана волшебного «макинтоша» крохотный белый телефончик на жемчужной петельке, как в рекламе, нажала кнопку и стала ждать.

Телефон соединился, тюлень заворочался и завопил с удвоенной силой, нашел свой аппарат и спросил, кто там. Может, он как-то по-другому спросил, но отсюда было плохо слышно.

— Илюш, — попросила жена в телефон, — подъезжай поближе. Здесь такая лужа, я через нее не перелезу.

Илюша стал оглядываться по сторонам, очевидно, так и не поняв с первого раза, кто именно его «вызывает». Она повторила еще нежнее:

— Илюша!

Тюлень наконец сориентировался во времени и пространстве, потому что дорогуший тарантас заур-

чал, дрогнул, тихонько тронулся с места и остановился прямо у ножек, обутых в белые замшевые сапожки.

Открылась широкая дверь, блеснула на ярком солнце полировкой. Жена подхватила подол своего «макинтоша» и красиво опустила себя на переднее сиденье.

Вообще она все делала красиво. Красиво шла, красиво поворачивала голову, красиво разговаривала по телефону. Как пить дать, с тюленем ей было несладко. Не зря развелась, хотя она до сих пор использует бывшего, вот сегодня, как извозчика.

Наблюдавший пропустил «мерин», солидно и неспешно выруливший на проезжую часть, и, расплескивая лужу, лихо вкатил во двор.

Он все успеет. Выехав из дома, она возвращается поздно, но ему-то, чтоб взять что надо, трех минут хватит.

Он пролетел лужу, въехал в арку, задвинул машину между помойкой и шикарным лимузином.

Вот все в этой стране так, подумал он неодобрительно. С одной стороны помойка, с другой — лимузин.

С одной стороны — многоквартирный элитный дом высотой в сто пятнадцать этажей, а снег от него не убирают. Отгребают от подъездов, и только. Весной все тает, течет, льется, струится, и прямо на тротуарчики, и к подъездам, и под ноги прямо. Элитные многоквартирные жильцы подхватывают полы своих элитных «макинтошей» и, как все простые смертные, продвигаются к машинам все больше галсами и кенгуриными прыжками.

С одной стороны — модный и пафосный ресторан с усатым швейцаром в ливрее, который величественными жестами показывает, как и куда следует шикарно припарковаться. С другой — прямо напротив ресторана — районная помойка со всеми районно-по-

мойными прелестями — бомжами, сборщиками бутылок и бродячими собаками. Когда за помойкой приезжает машина, грузчики матерятся, машина ревет, помойка грохочет, клиенты ресторана радуются жизни.

Слева — школы, справа — больницы. Поселяне и поселянки на заднем плане носят вещи в кабак.

Какое-то время он просто постоит за лимузином, оценит обстановку. А потом поднимется в квартиру и делает все, что задумал.

Вряд ли это понадобится, но как подстраховочный вариант вполне может пригодиться.

Он был очень предусмотрителен, всегда и во всем. Его собственная жена когда-то поражалась этой его предусмотрительности, а она еще о многом не знала и даже не догадывалась. Ничего, скоро она попляшет.

Покрутив ручку — очень неудобную, потому что шарик давно вывалился и приходилось крутить гладкую пластмассовую палку, которую пальцы никак не могли ухватить, — он опустил стекло, закурил и выдохнул. В солнечном луче повисло было облачко, но дунул ветер, легкий, прозрачный, — и нет облачка.

Он умилился. Вот и весна пришла.

Если кому-то суждено умереть весной, значит, суждено. Каждый судит по-своему. Он уже осудил, значит, все решено.

Нет преступления без наказания.

Анфиса Коржикова влетела в торговый аптечный зал как раз в тот момент, когда Лида уже выдвинула из-за стойки свои монументальные формы, собираясь прошествовать по ослепительно чистому полу к двери, чтобы перевернуть табличку на длинном шнурке.

Было закрыто. Стало открыто.

Опоздала, опоздала!.. Заведующая очень не любит, когда ее «девочки» вбегают на работу «с последним

звонком». Надо же подготовиться как следует — халат, шапочку надеть, руки помыть, и непременно с каким-нибудь дезинфицирующим раствором.

Аптека была старинная, огромная, с ореховыми диванами, фикусами в кадках, с деревянными шкафами, полными лекарств и загадочных бутылей темного стекла, по горлышку опоясанных бумажными шарфиками. Без новомодных глупостей, типа магазинных витрин и пластиковых зеленых корзин, в которые следует набирать «товар».

«Лекарства — не товар, — говаривала заведующая наставительно. — От лекарства, бывает, человеческая жизнь зависит!»

Анфиса Коржикова любила свою работу и гордилась ею.

— Анфиса! — с удивленной укоризной воскликнула Лида, словно видела коллегу первый раз в жизни. — Что это ты так сегодня?

— Как?.. — огрызнулась Коржикова.

Заведующая ей все выскажет — непременно, — уж Лида могла бы воздержаться! Хоть и невелик грех, а выскажет. Может, даже и не сейчас, а через месяц, к примеру. Заведующая очень любила «накапливать» факты, а потом вываливать их в самую неожиданную минуту, когда все уже расслабились и о своих грехах и проступках позабыли.

— Да вот опоздала, — нараспев сказала Лида. — Все уж давно по своим местам...

Дверь за их спинами — с табличкой «Закрыто» — неожиданно распахнулась, и показалась Лена Андреева. На лице у нее была тревога.

— Еще не открывала? — тяжело дыша, спросила она Лиду. — Вот и хорошо! Сегодня с троллейбусами прямо что-то жуткое.

— Это точно, — подтвердила Анфиса.

— Девочки, идите скорее, сейчас уже открываться будем.

— Да мы идем, идем!..

— Анфиска, а ты тоже в троллейбусе застряла?

— Я в метро время потеряла, — на ходу придумала Анфиса. — Вроде и встала вовремя, и будильник зазвонил, и все нормально, а в метро...

— Что в метро? — издали спросила Татьяна Семеновна. За стеллажами ее было совсем не видно. — Опять в метро?!

Все трое повернули головы в сторону стеллажей, но никакой Татьяны Семеновны не увидели.

— Девочки?! Что там в метро?!

— Да ничего, — начала Анфиса, не приготовившаяся врать дальше, — просто я говорю, что опоздала из-за того, что в метро...

— Что в метро?! — Это уже заведующая вскрикнула. Она выскочила из-за перегородки и поверх очков смотрела на них с ужасом. В руках у нее были какие-то листы бумаги, и один вдруг упал и спланировал на пол.

— Да ничего нет в метро, — на всю аптеку закричала несчастная Анфиса Коржикова, — я опоздала из-за того, что поезда долго не было! Я на платформе ждала, а его все не было, а потом пришел, и я в него не влезла, а влезла только в следующий!

В дверях маячили лица сотрудников, привлеченных криками в торговом зале. Лида смотрела на Анфису в изумлении, как будто та призналась в том, что только что встретила на улице кабана-бородавочника. Лида всегда умела оказаться на стороне начальства — даже в большей степени, чем само начальство.

Заведующая нагнулась и подняла листок.

Никто ничего не сказал вслух, но ужас, охвативший всех при слове «метро», словно повис в воздухе.

— Вот жисть какая, — сказала уборщица Нина, —

это же господи спаси! Всякий день то горим, то тонем. То режут, то взрывают. А все потому, что небо космосом проткнули и сатана теперь...

— Нина! — одернула ее заведующая строго. Уборщица еще побормотала и затихла.

Заведующая оглядела свое «бабье царство» сначала поверх очков, спустив их на кончик носа, а потом снизу, задрав их на лоб.

— Девушки, все по местам. На три минуты опаздываем.

В аптеке все без исключения именовались «девушками», даже бывшая кассирша Целя Израилевна.

Она состояла на пенсии последние лет тридцать и работала фасовщицей, потому что жить без аптеки не могла. Ей было лет сто или двести, и она имела привычку время от времени спрашивать у всех, помнят ли они, как в Москву приезжала Айседора Дункан и «прелестно, прелестно» танцевала.

Все мялись и от прямого ответа уклонялись, потому что, в случае если кто Айседору Дункан в Москве не видел, Целя Израилевна пускалась в рассказы, которым не было конца. Подчас не было и начала, но ее это не смущало. При этом она нещадно курила, напоминая собой Фаину Раневскую из фильма «Свадьба», и пряталась от заведующей, которую, по ее словам, помнила «еще ма-аленькой девочкой».

«Маленькая девочка» — заведующая — с куревом всех нещадно гоняла, презирала и строгим голосом говорила, что «медицинский работник не может себе позволить такие безобразные безобразия».

— Коржикова, переодевайся, и на рабочее место, — строго сказала заведующая. — Лидия Андреевна, открывайте. Вон уже первые посетители! — и она кивнула за стеклянную дверь.

Все оглянулись. За дверью действительно маячили две тени. Эти тени — два старика из соседнего дома —

приходили каждый день в одно и то же время, к открытию. Они покупали по очереди — валидол и «таблетированную валериану». Должно быть, у них был строгий график, кто из них что именно сегодня покупает. Ни на что другое у них не хватало денег, и они приходили «общаться», а валидол с валерианой покупали «из вежливости». Им казалось, что если они покупают, значит, у них есть дело, не просто так они таскаются и занятых людей от работы отвлекают.

Аптечные «девушки» жалели и любили их, особенно Целя Израилевна, которая рассказывала им, какой дивный магазин «Пуговицы» стоял на том самом месте, где нынче построили гостиницу «Минск». Впрочем, старики были ненавязчивы и интеллигентны, особенно никому не досаждали, и, если «девушкам» было не до них, они мирно сидели на диванчике под раскидистой пальмой с жесткими листьями, которые каждый день протирали тряпочкой уборщица Нина. Вставляла на табуреточку и протирала, листик за листиком. Варвара Алексеевна, заведующая, была большой поборницей чистоты.

— По местам, — как капитан на мостике, scomандовала Варвара Алексеевна, — рабочий день начинается.

Анфиса помчалась переодеваться, очень отчетливо осознав, что команда адресована лично ей.

В раздевалке у нее был самый крайний шкафчик, доставшийся ей по наследству от Клавы Ковалевой, которая год назад ушла в декрет. Клаву в аптеке любили, вспоминали и из уст в уста передавали всем, кто только желал слушать, историю ее жизни. Как в детстве выросла, как потом в фарминституте выучилась, как оказалась она богатой наследницей, как маньяк полоумный ее чуть не убил, а майор Ларионов спас, а потом женился...

Анфиса знала историю наизусть, но все равно всег-

да слушала, а в той части, где речь шла о «богатой наследнице», — особенно внимательно.

Анфиса стянула клетчатый пиджачок, сунула его в шкафчик и выхватила халат, хрусткий и переливающийся от избытка крахмала. Заведующая любила только такие халаты, и в прачечной, куда сдавали аптечное белье, все об этом знали, потому что прачечная существовала столько же, сколько и аптека, — наверное, с начала прошлого века.

Анфиса пристроила на короткие волосы легкий белый колпачок, глянула на себя в зеркало и побежала к двери, но вдруг остановилась, вернулась и вновь распахнула шкафчик.

Нужно перевесить пиджак. Конспирация, к которой она давно привыкла, иногда вдруг начинала давать сбои. Какая, к черту, конспирация, когда все вокруг давно стали своими, а она ведет себя с ними, как с врагами!

Но изменить ничего было нельзя, по крайней мере пока, и Анфиса Коржикова прекрасно это понимала.

На пиджачке, под самым воротником, пришита приметная этикеточка одной известной французской фирмы, и именно ее следовало спрятать от посторонних глаз. Эти самые глаза могли быть только у уборщицы Нины, которая иногда, как бы по ошибке, заглядывала в чужие шкафы, и хотя вряд ли она знала, что это за фирма, все равно нужно быть осторожной.

Анфиса завернула пиджачок так, чтобы этикетку никто не увидел, туфельки тоже задвинула подальше и по длинному и чистому коридору, застланному линолеумом и освещенному ровным аптечным светом, побежала в торговый зал.

В коридоре было множество дверей, и на каждой своя табличка. На одной красовалось загадочное слово «Материальная», на другой грозная надпись: «Перед тем как вымыть руки, не забудь снять халат», на тре-

твѣй нарисована рюмка и куриная нога, сопровождавшіеся скромной надписью: «Столовая». Рюмку с ногой придумала Анфиса — шалила, — а нарисовал на компьютере талантливый программист Славик, подрабатывающій в аптеке составлением лекарственных таблиц и ведомостей. И Славику, и Анфисе казалось, что это очень остроумно, а заведующая не возражала.

Анфиса уже почти выскочила в торговый зал, когда в кармане халата у нее зазвонил телефон. Звонить ей в такое время мог только один человек.

Этот самый человек и звонил, поняла Анфиса, взглянув на высветившуюся в окошке надпись.

— Привет, бабуль.

— Здравствуй, моя дорогая. Ты уже открыла свою аптеку?

— Бабуля, ты же знаешь, что аптеку открываю не я! Ее открывает всегда Лида!

— Ну и что?! — фыркнула бабушка. — Церемония поднятия флага уже состоялась?

Бабушка всегда так выражалась — чуть более сложно и витиевато, чем все обыкновенные люди.

— Состоялась, состоялась, — поспешно согласилась в трубку Анфиса, прикрывая ее рукой, — я сейчас говорить не могу, бабуль, мне работать нужно. Я опоздала.

— Почему?!

— В пробку попала, — прошептала внучка, — на Триумфальной. Я тебе потом позвоню, хорошо?

— Не потом, а сейчас, — отрезала бабушка. — Ты помнишь историю про собаку Баскервилей?

Анфиса насторожилась так, что даже ладошку убрала, которой прикрывала телефон. С бабушкой следовало держать ухо востро — чуть зазеваешься, упустишь, и потом ни за что не догонишь, вот такая у нее бабушка!..

— Бабуля, ты о чем? Если о старике Конан Дойле, то помню. Что это ты вдруг про него вспомнила?

— Да я не вдруг и не вспомнила, а у Петра Мартыновича на участке собака Баскервилей завелась.

Петром Мартыновичем звали соседа, с которым бабушка никогда не дружила и отчасти даже презирала его, потому что сосед, по ее словам, был «бестолочью» — забор с его стороны участка давно упал бы, если бы не Юра, который ведал в бабушкиной усадьбе всеми хозяйственными вопросами. Соседские собаки через дырки все в том же заборе лезли на усадьбу и вытапывали ирисы. По весне сосед разводил в старой детской ванночке «гуано», которое воняло так, что со всех помоек слетались тучи проснувшихся раздраженных мух. Марфа Васильевна, Анфисина бабушка, в тот угол усадьбы, ближе к которому располагалось «гуано», старалась не заходить, туда направлялся Юра, перелезал через забор и отволакивал ванночку подальше. Сосед неизменно притаскивал ее обратно и устанавливал на место с мстительным и озабоченным видом. На участке у него, по бабушкиным словам, все равно ничего путного не росло. Путного — это значит ни цветов, ни травы, ни мелких белых роз, которые она обожала. Картошку и «помидорья», как это называлось на бабушкином языке, она не признавала. Сосед же считал Марфу Васильевну «барыней» и белоручкой, и эта война продолжалась столько, сколько Анфиса себя помнила.

Откуда он вдруг взялся, этот Петр Мартынович, что это бабушка решила о нем заботиться?!

— Коржикова, ты что на рабочее место не идешь?! Народу уже полно, там Татьяна Семеновна одна пропадает!

— Иду-иду!.. — Анфиса поглубже задвинулась в угол со своим телефоном. — Бабуль, я не могу! Ты мне ве-

чером все расскажешь, хорошо? Особенно то, что касается собаки Баскервилей!

— Ты вечером собираешься к нам? — осведомилась бабушка.

— Собираюсь. Я приеду, и мы с тобой все обсудим, ладненько?

— Я терпеть не могу этого слова, — отрезала далекая бабушка. — Говори правильно, ты же не водопроводчик!

Кроме «ладненько», бабушка еще не признавала слов «кушать», «тепленький» и всякое такое. В бабушкином понимании все, кто употреблял вышеупомянутые слова, годились разве что в водопроводчики.

— Хорошо, я не буду. Но мы сможем поговорить только вечером.

Бабушка помолчала.

— Ну?

— Что? — нетерпеливо спросила Анфиса.

— Больше ничего?

Внучка лихорадочно соображала, чего же больше.

— Больше ничего. Бабуль, я вечером приеду, и ты мне расскажешь.

— В таком случае, не приезжай.

— Почему?! — простонала Анфиса. — Почему не приезжать?!

Бабушка помолчала. Как пить дать, затынулась сигаретой. Анфиса представила, как она сидит, положив ногу на ногу, и покачивается в кресле. Бабушка любила кресла-качалки не потому, что в них удобно «валиться», а потому, что можно «баловаться» — качаться, отталкиваться ногой, смотреть, как появляется и пропадает в зеркале собственное отражение.

— Ты сегодня до шести или до десяти?

— До десяти.

— Прямо с работы поедешь?

— Да.

— А на чем?
— Бабушка! Ну какая разница?!
— Большая.
— Бабуль, я уже взрослая девочка.
— Раз ты такая взрослая, можешь не приезжать.
— Бабушка! Ну что такое!
— Я не хочу, чтобы ты шла со станции одна в темноте!

— С чего ты взяла, что я пойду со станции?!

— Не морочь мне голову, — отрезала Марфа Васильевна. — Ключ от ворот у нас один. В одиннадцать часов я смотрю новости. Ты работаешь до десяти, значит, на машине приедешь как раз в одиннадцать. Ты знаешь, что я не люблю, когда мне мешают смотреть, и не попросила меня заранее открыть ворота. Значит, собираешься ехать на электричке и зайдешь в калитку на той стороне. И думать не смей. Лучше не приезжай.

— Бабушка!

— Вы все надеетесь, что я скоро выживу из ума, а я все никак. Я не разрешаю тебе идти в темноте одной. Юра тебя встретит.

— Хорошо, я приеду на машине.

— Смотри, а то я не усну!.. Или Юру отправлю.

— Не надо, — взмолилась Анфиса. Она не любила, когда Юра ее встречал. — Я приеду на машине, обещаю тебе.

— Но ведь собиралась на электричке? — ехидно осведомилась бабушка и, судя по звукам, перестала качаться туда-сюда в своем кресле. — Надуть меня хотела?..

Анфисе пришлось сознаться, что да, собиралась, и следом за признанием немедленно услышала вопрос, что у нее с машиной. И еще некоторое время пришлось объяснять, что с машиной ничего такого, просто сегодня она осталась в очень неудобном месте, потому что на Садовом были пробки, а Анфиса торопилась.

Анфиса говорила и прислушивалась к шуму аптечного зала за белой перегородкой. Мимо проплыла Лида, посмотрела неодобрительно. Потом, громко топая, промчалась Наталья Завьялова и на ходу улыбнулась Анфисе. Короткие черные кудри торчали в разные стороны из-под белой аптечной шапочки. Анфиса улыбнулась ей в ответ.

— Что вам выписали? — громко спросила вдалеке заведующая Варвара Алексеевна. Анфиса со своим телефоном чувствовала себя выключенной из утренней жизни, с каждой минутой набирающей обороты. — Татьяна Семеновна, посмотрите, что у больного с рецептом!

— Бабушка, все, я правда больше не могу. Я должна бежать.

Она сунула телефон в карман халата, поправила пояс, чтобы выглядеть безупречно, и за высокими белыми стойками пробежала на свое место.

Заведующая Варвара Алексеевна, втолковывавшая что-то худой и нескладной тетке, похожей на старую лошадь, покосилась на нее.

Заметила, поняла Анфиса. Все заметила. Теперь обязательно припомнит.

Как только она оказалась за чистым стеклом, в окошко сразу сунулся заморенного вида мужичок в брезентовой куртке.

— Мне бы, дамочка, чего-нибудь от кашля. Мучает, проклятый!

И, словно боясь, что ему не поверят, он несколько раз конфузливо кашлянул. Анфиса задумчиво его изучила. Предлагать ему новомодное средство за триста пятьдесят семь рублей не имело никакого смысла.

— Курите? — лекарским тоном спросила Анфиса у мужичонки, выдвигая ящик.

— Курю, дамочка, — покаялся мужичонка, — куда нам без курева, нам без курева никуда...

— Бросить надо, — посоветовала Анфиса, — вредно очень.

— Да мы знаем, знаем мы, — забормотал мужичонка виновато, — и в телевизоре, и везде... Мы же слушаем, в газетах тоже.... Не на деревне живем.... Бросать надо... а так... с утра не покуримши... как же...

Анфиса выложила на сверкающий прилавок ленту таблеток, подумала и достала еще коробочку мятных пастилок.

— Возьмите еще эти, они недорогие, но горло хорошо смягчают.

Мужичонка закивал, достал заскорузлой рукой несколько мятых десяток, сунул в окошко, аккуратно собрал сдачу, а лекарства затолкал во внутренний карман.

Следующей была молодая женщина с коляской, в которой подпрыгивал жизнерадостный розовощекий малыш, тряс погремушку и жмурился. Этим было нужно очень много всего — и витамины, и масло, и носовые платки, и зубную пасту.

Анфиса возилась с ними долго и весело.

Им было радостно покупать и бить в погремушку, а Анфисе радостно продавать. Она продала все, что им требовалось, и еще вдобавок хорошенькую бутылочку для сока с двумя ручками из яркой пластмассы, чтобы мальчик — такой великан! — мог сам ее держать, и еще некое приспособление для прорезывания зубов.

Анфиса советовала, а покупательница оценивала и прикидывала, и отчего-то они обе чувствовали себя заговорщицами.

Потом покупатели пошли безостановочно, и только в двенадцать Анфисе удалось выпить чашку чая. Чай пили на беленькой кухне с нарисованными на двери куриной ногой и рюмкой. К чаю ничего не предполагалось, кроме маленькой шоколадки, и Анфиса загрустила было, но прибежала запыхавшаяся Наталья,

сразу же сорвала с кудрей шапочку, швырнула ее на стул и немедленно полезла в холодильник.

— Хочешь колбасы? «Докторской»?

Анфиса немедленно согласилась, и Наталья соорудила ей бутерброд, какие умела сооружать только она, — толстый кусок свежего черного хлеба, очень толстый кусок «Докторской» колбасы и свежий огурец сверху. Круглую мягкую, как будто вздыхающую черную коврижку она каждый день привозила из своего пригорода, и все аптечные «девушки» отрезали от нее по куску к обеду.

Анфиса всегда ленилась себе готовить и ела большей частью, только когда приезжала в Аксаково, к бабушке, где вечная и неизменная домработница Клавдия всегда подавала «полноценный обед», как это называлось в семье. Зато Наталья поесть обожала — и одна, и в компании — и Анфису угощала.

При этом Наталья страшно расстраивалась, что «такая толстая», и завидовала Анфисе, которая была «прелесть какая тоненькая».

Аптечный остряк программист Славик называл их «толстый и тонкий», демонстрируя таким образом не только остроумие, но и знание классической русской литературы, полученное в средней школе.

Остроумие Славика не мешало Анфисе с Натальей дружить, хотя даже ее Анфиса не могла посвятить в свои тайны. Единственное, что было известно подружке, это что у Анфисы богатая бабушка, живущая где-то за городом.

— Вкусно, — с набитым ртом сказала Наталья, — ужас как вкусно! Вот скажи мне, почему все, что вкусно, вредно, а все, что полезно, — невкусно? Чайку налить еще?

— Сиди, я сама налью.

Наталья со всех сторон любовно осмотрела бутерброд, улыбнулась ему и еще раз откусила.

— У меня к чаю шоколадка есть, — похвасталась Анфиса. — Съедем?

— Калорий больно много. И вообще сейчас пост. Я в прошлом году на посту сидела, пять килограмм скинула.

— Так нельзя говорить, — сказала Анфиса серьезно. — Ты же образованная, Наталья! Что это значит — на посту сидела! Ты что, милиционер?

— Почему милиционер, я не милиционер, — быстро отказалась Наталья, — а только когда пост...

— Ну, так и говори — соблюдала пост, а не на посту сидела!

— Тьфу ты! — обиделась Наталья. — А я-то решила, что...

— Сидеть можно на диете, — перебила Анфиса, — а пост надо соблюдать.

— Ну ладно, ладно, вот в прошлом году я соблюдала и на пять кило похудела! В этом году тоже собиралась, только Витька мне сказал, что если я ему опять ни разу котлет не пожарю и он всю весну всухомятку...

Анфиса почти не слушала.

Наталиного Витьку она терпеть не могла, чего никогда не скрывала. Бабушка Марфа Васильевна даже определение вывела для такой породы мужчин.

Порода называлась «никчемушник» — потому что ни к чему не нужен. Бабушка их терпеть не могла и всегда говорила, что эта порода получила особенное распространение в последнее время, как декоративные собачки.

«Никчемушник» Виктор ничем особенным не был занят на работе, ничем особенным не был занят после работы, как, впрочем, и по выходным и праздникам. Свой драндулет он чинил лениво и неохотно, и посему драндулет также лениво и неохотно ездил. Наталье приходилось все время уговаривать «никчемушника», чтобы он заехал за ней на работу, особенно во вторую

смену, когда аптека закрывалась в десять, а идти по московским подворотням до троллейбуса или метро было страшно. По магазинам он ходил тоже неохотно, объяснял это тем, что к магазинам он «не приспособлен», жарко ему там и вообще как-то нехорошо делается. Поэтому Наталья таскалась на троллейбусе с сумками — приспособлен или не приспособлен, а поест «никчемушник» очень любил и обижался, когда ему ничего не давали или давали что-то не то.

Помимо прочих прелестей, существовала еще «никчемушникова» мама, которая объясняла сыночку, что для такой простой девки, как Наталья, он просто подарок судьбы и надо хорошенько подумать, стоит на ней жениться или не стоит. Такого принца еще поискать, а Наталья кто такая? Да никто, провизорша в аптеке, восемь тысяч получает!..

О том, что сам «никчемушник» ударно зарабатывает три, мама скромно умалчивала.

— ...а я ему на это говорю: Витюш, ну что ты все лежишь да лежишь, давай сходим куда-нибудь, в бильярд, хочешь, поиграем, ты же любишь в бильярд! А он мне на это — никуда я не пойду, одеваться надо, да и вообще у меня машина вся разобрана, мне бы в гараж. А я знаю этот гараж!.. Машину не соберет, только придет на рогах, а он когда на рогах...

— Наташка, — серьезно сказала Анфиса, — тебе его надо срочно бросить. Знаешь, как это называется?

— Что? — перепугалась Наталья и от испуга откусила слишком большой кусок. Щека у нее оттопырилась.

— Ну вот это все, чем ты занимаешься со своим Виктором?

— А что?

— Да ничего!

— И как это называется?

— Мазохизм, вот как. Медицинский термин.

— Да ну тебя, Анфиска, — возмутилась Наталья и захлебнула бутерброд чаем. Чай был горячий и сладкий, и она от удовольствия зажмурилась и еще посмотрела в кружку, сколько там осталось. Осталось довольно много, значит, пока можно не спешить.

— Тебе хорошо говорить, ты вон какая красивая! И машину водишь, и самостоятельная такая...

— Наташ, при чем тут моя машина? Ну и ты научись машину водить, и тоже будешь самостоятельная.

— Да ладно! Где я ее возьму, машину-то? Зачем мне учиться, если ее у меня все равно никогда не будет?

— Да почему не будет? Или у Виктора возьми, у него же есть!

— Так он мне ее и дал! Ни за что не даст!

— Брось ты его, — повторила Анфиса, — на что он тебе нужен? Ухаживать за ним всю оставшуюся жизнь?! Вот радость какая.

— Да тебе, может, и никакой, а мне радость.

— Ну а тебе какая радость?

— Он на мне женится, вот какая.

— И дальше что?

— Что?

— Будет всю оставшуюся жизнь на диване лежать, а ты ему котлеты жарить?! Он же ничего не умеет, и не выйдет из него ничего и никогда!

— А может, меня больше замуж никто не возьмет! — крикнула Наталья страстно. — И что мне тогда?! Вон как Лена Андреева, до сорока лет в девках, а потом в старухах?! Не хочу я так. Я хочу, чтобы у меня дом был, и дети, и муж!..

— Даже такой?

— А чем он хуже других? Пить — не пьет особенно, машина у него, мама с папой опять же, если с детьми пересидеть или что там...

— Ну понятно, — вздохнув, заключила Анфиса. Этому

спору не было ни начала, ни конца, и он мог продолжаться сколько угодно. — Значит, поженитесь и через год разведетесь, ты останешься с ребенком, а он с машиной, мамой и папой.

— Хорошо тебе говорить, ты вон какая красивая... — опять заскулила Наталья. — А я?! Кому я нужна такая?!

— Ты очень красивая, — упрямо сказала Анфиса. — Просто очень.

— Ну да, — кивнула Наталья и выразительно потрясла бюстом. — Сказать, какой у меня номер лифчика, или не говорить?

— Иди ты со своим номером и лифчиком!

— У меня номер F. Сначала идут А, В, С, D, а потом только F! И обувь у меня сорокового размера!

— Ну и что?

— А то, что я, корова такая, ни разу в жизни ни с кем даже на танцы не ходила, потому что меня не приглашал никто! И что Витька меня любит — это редкость большая и удача!

Дверь распахнулась, и на пороге показалась заведующая, как всегда собранная, элегантная, с пучком и в очках.

— Девушки, — сказала она довольно строго, — про ваши лифчики уже знают все сотрудники, но клиентов лучше пока не оповещать.

— Простите, — пробормотала совершенно пунцовая Наталья, — простите, Варвара Алексеевна.

— А замуж выходить только потому, что берет, и впрямь не стоит, — не меняя тона, продолжала заведующая. — Потом не отделаешься.

— Да меня никто и не берет пока, — пробормотала несчастная Наталья.

— Вот и хорошо, — заключила заведующая и добавила озабоченно: — А плохо то, что договоры у меня

со стола пропали, и найти их не могу. Анфиса, ты не брала?

Анфиса чуть не поперхнулась своим чаем.

Заведующую, несмотря на все ее строгости и чудачества, все очень любили и старались никогда не подводить.

— Н-нет, Варвара Алексеевна, я не брала. А что за договоры?

— Да с фирмами! — сказала заведующая с досадой. — Целая пачка! Только вчера все выложила, отчетность надо сдавать, конец месяца, и нет договоров! Коржикова, ты в торговый зал когда вернешься, попроси Татьяну Семеновну ко мне зайти, может, она взяла?

Татьяна Семеновна была одной из ее заместительниц.

— Хорошо, — кивнула Анфиса, намереваясь немедленно бежать, — обязательно.

— Ты допивай, допивай спокойно, — хладнокровно посоветовала заведующая. — Не лети. И про лифчики можете продолжать, но потише только.

И дверь за ней закрылась.

— Вот, все из-за тебя, — зашипела Наталья, — вечно так!.. Неудобно ужасно.

— Ничего, нормально, — тоже шепотом отвечала Анфиса, хоть и чувствовала себя неловко.

Наталья одернула на себе халат, с отвращением оглядела свою грудь и попыталась заткнуть ее за край стола. Грудь туда никак не умещалась, и Наталья сильно сгорбилась.

— Распрямись, — велела бесчувственная Анфиса. У нее-то грудь была в полном порядке, маленькая, аккуратненькая, загляденье просто!

— Не распрямлюсь, — мрачно отрезала Наталья.

Бутерброта ей больше не хотелось, а съеденный кусок давил на желудок стыдной тяжестью. Зачем она

опять так налопалась?! Пусть бы Анфиса ела, а ей зачем?

Два листика салата, мелко нашинкованная капуста, полторы ложки тертой моркови, все заправить оливковым маслом холодного отжима, выложить на тарелку, украсить веточкой укропа и зонтиком петрушки. Есть медленно, как бы нехотя.

Впрочем, кто же такую красоту добровольно захочет есть?!

Неожиданно Наталья вспомнила, что есть же волшебное средство! Еще не все потеряно, ура!..

— Анфис, а «Ксеникал» вчера привезли?

— Вроде привезли.

— Вроде или точно привезли?

— Да не я товар принимала!

— А кто принимал?

— А Наталья Иванна принимала!

— Ах ты господи, — озабоченно сказала Наталья, — побегу узнаю.

— Да привезли, Наташ, — успокоила ее Анфиса, — мы же заказывали. Я сама и заказывала. А раз заказали, значит, привезли. Там на коробках должно быть написано «Хоффманн—Ля Рош».

Так красиво и очень «загранично» называлась фирма, которая производила волшебный препарат «Ксеникал».

— Знаешь, как я от него худею? — заговорщицким полусшепотом спросила Наталья, как будто вокруг стояли толпы конкурентов, мечтающих наброситься на «Ксеникал» и отобрать у Натальи надежду на похудение. — Прямо ужас один! Вот наешься, а потом надо только одну таблеточку — заесть, — и жир не усваивается!

— Неужели?

— Точно тебе говорю. Только одну таблеточку, и...

— Что?

Наталья перестала заправлять бюст за столешницу, нагнулась к Анфисе и зашептала. Анфиса внимательно слушала.

— Да ну?

— Точно тебе говорю, — истово повторила Наталья, — все проверено! А худеешь, словно с тебя ножом срезают! Я сегодня две упаковки возьму. Хоть без ценки.

— Так он рецептурный, — припомнила Анфиса. — Или у тебя рецепт есть?

— Выписала. Специально к эндокринологу ходила и выписала. Он даже удивился: «...надо же, какой пациент грамотный пошел — с врачом консультируется, вес снижает по швейцарской системе, в общем, все по-научному!» А я ему говорю: «Михаил Семенович, а как же иначе! Ведь хочется и здоровье сохранить, и красивой стать! А тут без «Ксеникала» не обойтись...» А он мне...

Дверь распахнулась, и в проеме появилась та самая Наталья Ивановна, вторая заместительница заведующей, что вчера принимала товар.

— Приятного аппетита, девочки. Чайник горячий?

— Только вскипел.

— Вот и хорошо.

Заместительница полезла в холодильник, долго там шаровала и вылезла с трофеем — объемистым кульком, в котором было что-то круглое и что-то длинное. Она быстро распотрошила кулек — круглое оказалось хурмой, очень размякшей, а длинное банкой с гречкой. Сверху гречка была приплюснута котлетами. Наталья Ивановна открутила крышку и стала искать сковородку — разогреть. Анфиса деликатно сунула нос в воротник своего халата и посмотрела на Наталью. Та усердно прихлебывала чай.

Они переглянулись и заторопились — из-за котлет.